

Алла Таньшина*

*К 100-летию юбилею НАН Украины & 90-летию УФТИ – ННЦ «ХФТИ»**Светлой памяти академика И. Обреимова,
директора-организатора УФТИ*

**СТОИТ НАПОМНИТЬ:
«ЭТОГО НИГДЕ В СССР НЕ БЫЛО». –
УКРАИНА, ХАРЬКОВ, УФТИ**
Продолжение. Начало в №1 (2018)

...исключительно важным является
крайне осторожное обращение
с людьми больших творческих сил и редких способностей.
Из письма А. Эйнштейна И. Сталину

«З/к, в котором можно было угадать интеллигента»

В 1938 г. был арестован органами НКВД и освобожден
24 мая 1941 г. по ст. 4, п. 5 УПК РСФСР (отсутствие состава преступления).
В это время выполнил большую работу «О приложениях френелевой
дифракции для физических и технических приложений».
Из автобиографии И. Обреимова

Первый директор УФТИ познал не только счастье ученого и организатора науки, но и горечь необоснованного ареста. В конце 30-х годов в УФТИ настал один из самых мрачных периодов его истории – необоснованные репрессии.

Весьма показательны задокументированные свидетельства А. Вайсберга, тогдашнего иностранного сотрудника УФТИ:

«Наш институт – один из самых значительных в Европе. Возможно даже, что в Европе нет института, столь же хорошо оснащенного и имеющего так много различных лабораторий, как наш».

Правительство не пожалело денег. Ведущие ученые частично получили образование за границей. Долгое время их посылали за государственный счет к знаменитейшим физикам мира для продолжения образования. В нашем институте 8 отделов, во главе их стояли 8 научных руководителей. Как все это выглядит теперь?

Лаборатория кристаллов... Руководитель Обреимов — арестован.

1-я криогенная лаборатория... Руководитель Шубников — арестован.

2-я криогенная лаборатория... Руководитель Руэманн — выдворен из страны.

Ядерная лаборатория... Руководитель Лейпунский — арестован.

Рентгеновский отдел ... Руководитель Горский — арестован.

Отдел теоретической физики... Руководитель Ландау — арестован.

Опытная станция глубокого охлаждения... Руководитель Вайсберг — арестован.

Лаборатория ультракоротких волн... Руководитель Слуцкий пока работает...».

Однако репрессии вызвали и никем непредсказуемый огромный международный резонанс: буквально не весь тогдашний мировой олимп физической науки поднял свои голоса в защиту несправедливо осужденных уфтинцев.

Даже Эйнштейн в официальной порядке обращался к Сталину, поскольку искренне был убежден в лояльности репрессированных ученых.

Господину Иосифу Сталину,
Москва, СССР.
Пасадена, 16 мая 1938 года

Глубокоуважаемый господин Сталин!

В последнее время мне стали известны много случаев, когда видные ученые в России обвиняются в тяжких

* Статья написана по материалам докторской диссертации (научный куратор – академик НАН Украины Виктор Григорьевич Барьяхтар).

** Из резолюции проверочной комиссии ОФМН АН СССР от 12-18 мая 1939 г.: «Основное, что характеризует ХФТИ и относится к его бесспорным достоинствам, это его колоссальное оборудование и огромный технический опыт. По своему техническому оснащению ХФТИ является первым физическим институтом в СССР».

преступлениях, как люди, сохраняющие полное доверие в своих человеческих отношениях с зарубежными коллегами. Я понимаю, и Вам это известно, что во времена кризисов и волнений случается, что подозрение падает на невиновных и достойных людей. Но я также убеждён в том, что как с общечеловеческой точки зрения, так и в интересах успешного развития русского соиздания **исключительно важным является крайне осторожное обращение с людьми больших творческих сил и редких способностей.**

В этой связи я очень просил бы Вас обратить внимание на дело Александра Вайсберга, г. Харьков. Господин Вайсберг, австрийский гражданин, инженер-физик, работал в Украинском физико-техническом институте в Харькове. В особенности я хотел бы попросить о том, чтобы было принято во внимание заключение о деятельности доктора Вайсберга, которое профессор Мартин Руэмман (руководитель опытного участка низких температур) направил весной 1937 года в Народный комиссариат тяжёлой промышленности.

С уважением, профессор Альберт Эйнштейн

Сколь веским был международный резонанс, освещает и следующее ходатайство за подписью трёх лауреатов Нобелевской премии:

Господину Генеральному прокурору СССР.
Париж, 15 июня 1938 г.

Глубокоуважаемый господин Генеральный прокурор!

Мы, нижеподписавшиеся, друзья Советского Союза, считаем своим долгом поставить Вас в известность о следующем.

Содержание под стражей двух выдающихся иностранных физиков, доктора Фридриха Хоутерманса, арестованного 1 декабря 1937 г. в Москве, и господина Александра Вайсберга, арестованного 1 марта этого же года в г. Харькове, воспринято в научных кругах Европы и США с большим недоумением.

Так как господа Хоутерманс и Вайсберг пользуются в этих кругах авторитетом, следует опасаться, что их продолжительное содержание под стражей станет ещё одним толчком в той кампании, которая в настоящее время приносит значительный ущерб авторитету страны социализма и сотрудничеству СССР с западными странами.

Это усложняется ещё тем обстоятельством, что учёные, считающие себя друзьями и постоянными защитниками СССР от нападков противников, не получают никакой информации от советских властей о положении Хоутерманса и Вайсберга, несмотря на их длительное заключение, и они с большим недоумением воспринимают происходящее.

Хоутерманс и Вайсберг имеют среди всемирно известных ученых многочисленных друзей, например, профессора Эйнштейна в Пасадене, профессора Блэккетта в Манчестере, профессора Нильса Бора в Копенгагене, которые сочувствуют им и будут участвовать в судьбе обоих ученых.

Господин Вайсберг, являющийся одним из основателей и редактором журнала *«Zeitschrift für Physik»* в СССР, получил приглашение профессора Эйнштейна в университет в г. Пасадена. Из-за своего ареста он не имеет возможности воспользоваться этим приглашением.

По этой же причине и доктор Хоутерманс, получивший приглашение в институт в Лондоне для проведения научных исследований, не смог им воспользоваться – в момент ареста он находился уже в таможенном зале московского вокзала...

Ответственные лица в СССР в последнее время сделали несколько официальных заявлений о том, что во время чистки, которая была необходима из-за угрозы стране со стороны внутренних и внешних врагов, исполнительными органами были допущены ошибки, неизбежные в подобное критическое время; официальные лица считали крайне важным подчеркнуть необходимость устранения таких ошибок и злоупотреблений.

Мы, нижеподписавшиеся и все друзья обоих обвиняемых, убеждены в том, что в данном случае это и есть подобное недоразумение.

Поэтому они обращаются к Генеральному прокурору СССР с тем, чтобы обратить его внимание на дела Хоутерманса и Вайсберга и просят его ради авторитета СССР в зарубежных научных кругах предпринять срочные меры к немедленному освобождению обоих.

Важнейшее политическое значение этого обстоятельства даёт нам право переслать копию этого письма через посольство СССР в Париже господину Сталину...

Ирен Жолио-Кюри, лауреат Нобелевской премии.

Жан Перрен, лауреат Нобелевской премии.

Фредерик Жолио-Кюри, лауреат Нобелевской премии

Далее цитируется официальное письмо за подписью лауреата Нобелевской премии Нильса Бора.

Н. Бор – И. Сталину

Институт теоретической физики
при Копенгагенском университете.
23 сентября 1938 г.

И. Сталину. –
Секретарю Коммунистической Партии Советского Союза.

Только чувство глубокой благодарности за деятельное и плодотворное сотрудничество, в котором мне посчастливилось состоять в течение многих лет с учеными Советского Союза, и глубокое впечатление, полученное мною

при неоднократных посещениях СССР от того, с каким воодушевлением и успехами ведётся и поощряется там научно-исследовательская работа, – побуждает меня обратить Ваше внимание на дело одного из значительнейших физиков молодого поколения, а именно на дело профессора Л.Д. Ландау из Института по изучению физических проблем при советской Академии наук.

Профессор Ландау, в сущности, завоевал себе признание научного мира не только за ряд весьма значительных вкладов в атомную физику. Благодаря своему плодотворному влиянию на молодых ученых, он решающим образом способствовал также основанию в СССР школы теоретической физики, откуда вышли незаменимые работники для грандиозных научно-экспериментальных исследований, производящихся теперь в новых, великолепно оборудованных лабораториях во всех частях СССР.

В течение многих лет я имел огромное удовольствие поддерживать с профессором Ландау весьма близкую связь и регулярно вести переписку по научным проблемам, глубоко интересовавших нас обоих. Однако, к моему глубокому огорчению, я не получил ответа на мои последние письма, и, насколько мне известно, никто из других многочисленных иностранных физиков, с особым интересом следящих за его работой, не получал от него известий. Я пытался также наладить с профессором Ландау связь, сделав запрос через советскую Академию Наук, членом которой я имею честь состоять; однако недавно полученный мною от Президента Академии Наук ответ не содержал никаких сведений относительно местопребывания или судьбы профессора Ландау.

Я этим глубоко огорчен, в особенности в связи с тем, что до меня недавно дошли слухи об аресте профессора Ландау. Я всё же продолжаю надеяться, что эти слухи не имеют основания; если же профессор Ландау действительно арестован, то я убежден в том, что здесь идет речь о прискорбном недоразумении; ибо **я не могу себе представить, чтобы профессор Ландау, который целиком посвятил себя научно-исследовательской работе и искренность которого я высоко ценю, мог совершить нечто такое, что оправдывало бы арест.**

Ввиду огромного значения этого обстоятельства как для науки в СССР, так и для международного сотрудничества, я обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой о назначении расследования об участии профессора Ландау с тем, чтобы, в случае, если здесь действительно имеет место недоразумение, этот необычайно одаренный и успешно работающий ученый снова имел бы возможность принимать участие в весьма важной для прогресса человечества научно-исследовательской работе.

Нильс Бор,
профессор Копенгагенского университета

И безусловно, лауреаты Нобелевской премии вряд ли позволили себе вольность в описании реалий тех лет. Показателен и следующий факт – Иван Васильевич Обреимов также и в тюрьме не оставлял занятий наукой.

«В период следствия в Бутырской тюрьме в результате хлопот А.Ф. Иоффе перед Сталиным ему было разрешено работать. Он начал писать книгу, обобщающую и развивающую его предыдущие работы по приложению френелевой дифракции к физическим и техническим измерениям.

В тамбуре карцера, между дверьми, оборудовали подобие письменного стола, за которым И.В. Обреимов и работал. Супруга Ивана Васильевича Александра Ивановна Прейсфрейнд передавала ему необходимые материалы и книги, а также папиросную бумагу для самокруток и чеснок, которыми И.В. Обреимов делился с сокамерниками. Писал он не пером и чернилами, а карандашом через копирку – сразу в двух экземплярах. Следствие длилось более полугода. И.В. Обреимов вины за собой не признавал и никаких протоколов не подписывал. Дело на И.В. Обреимова у следователя И.Г. Попкова никак не шивалось. Его и к концу следствия не было. Книга к тому времени в основном была написана. Следователь получил от Ивана Васильевича первый экземпляр и отправил его на рецензию в УФТИ (рецензии оттуда так и не последовало).

Тем не менее вопрос о дальнейшей судьбе И.В. Обреимова был предрешен: лагерь в Котласе без права переписки».

И другой бы смирился с этим положением, но Иван Васильевич Обреимов, несмотря на то, что душу нестерпимо тяготило сознание несправедливой изоляции, все же не сломился духовно.

«Поместили его вместе с уголовниками, с которыми И.В. Обреимову удалось построить не только безопасные отношения, но отношения взаимопомощи – они передавали на волю письма Ивана Васильевича.

Обреимов рассказывал, что авторитет он заслужил за талант рассказчика: он читал наизусть Некрасова и Пушкина, пересказывал Тургенева и Диккенса, множество детективных историй (и с тех пор терпеть не мог детективы) – память его была неисчерпаема.

Другой заслугой И.В. Обреимова перед уголовниками оказалось спасение их жизней при погрузке баржи с лесом, когда покотившиеся бревна неизбежно должны были завалить и покалечить людей: быстро и точно подставив плечо, Иван Васильевич изменил скат в безопасном направлении. В свою очередь, соседи-уголовники показали секреты землекопной работы, которая была основной в лагере...

Авторитет И.В. Обреимова среди уголовников помог ему переправить на волю второй экземпляр книги*, которую он дописывал в лагере».

---

* Рукопись книги И.В. Обреимова «О приложениях френелевой дифракции для физических и технических приложений» была передана непосредственно в руки А. Ф. Иоффе человеком, фамилию которого история не сохранила. А. Ф. Иоффе и П. Л. Капица написали на нее рецензию. В конце 1945 г. книга была издана в издательстве АН СССР. В 1946 г. И.В. Обреимов получил Сталинскую премию 1-й степени.

В то же время и советская научная общественность не стояла в стороне от этих событий. Примером тому может служить ходатайство за подписью академика Петра Леонидовича Капицы.

7 июля 1940 г., Москва

Товарищ Молотов,

Мне показали письма, которые написаны Вам об арестованном профессоре И.В. Обреимове (б. член-корр. Академии наук). Этот случай безусловно заслуживает большого внимания, но в этих письмах я не нашел самого главного. Поэтому, если Вы решите обратить внимание на судьбу Обреимова, то мое письмо может быть Вам полезно.

Я знаю Обреимова лет 20, и хорошо, так хорошо, как можно знать людей этого типа. Если бы был жив Ломброзо, он лучше сумел бы дать его характеристику, так как Обреимов — это типичный объект для его теории.

В физике Обреимов сделал замечательные вещи, они поражают своей своеобразностью. Многие из его точек зрения и теорий еще не поняты, но если они окажутся правильными, они будут гениальными. Самое трудное понять мысли Обреимова, уж очень они парадоксальны. Он и сам говорит: «Не люблю людей с ясной мыслью, они ничего нового не выдумывают». Если бы не ряд ценных и конкретных результатов, которых никто отрицать не может, Обреимов считался бы если не сумасшедшим, то очень большим чудачком.

Вот, например, он выдумал, осуществил и внедрил метод для определения оптических свойств стекла, пока оно еще варится в тигле. Задача очень важная для оптиков и на первый взгляд неосуществимая, Обреимов ее решил гениально просто, и благодаря так называемому «методу Обреимова» наша оптическая промышленность может варить стекло лучше всех.

По делу Обреимова я думаю следующее.

1. Что мало вероятно, что Обреимов политический преступник. Самое вероятное, что своими нескончаемыми парадоксами он довел следователя и работников НКВД до состояния полного озадачения, и для верности его просто посадили. Уж если его и сажать, то правильнее было бы не в дома НКВД, а в дома Наркомздрава.
2. После ареста Обреимов работал научно, а теперь, говорят, его сделали грузчиком в Котласе.
3. Если это правда, то это надо скорее исправить, а то потом нам всем будет за это стыдно.
4. Если диагноз НКВД не подлежит пересмотру, то все же надо дать возможность Обреимову научно работать над чем он хочет и доводить его работу до публикации, это в интересах всей науки.

Ваш П. Капица.

Накануне Великой Отечественной войны член-корреспондент Академии наук СССР И.В. Обреимов наконец-то обрел долгожданную свободу. Прочитав по этому поводу уникальный архивный документ — письмо тогдашнего начальника лагеря, где несправедливо отбывал срок И.В. Обреимов:

«Летом 1940 года через Котлас проходили на Север эшелоны з/к поляков. Это, в основном, были жандармы, дефензива, осужденные по разным статьям. Всего прошло 11 тысяч человек. Среди них была только одна женщина.

По особому заданию их всех надо было переотправить на Север (Печора)...

Между прочим, было указание о тщательном порядке и соблюдении санитарного состояния. Для наведения чистоты была выделена группа заключенных с № подразделения.

В группе уборщиков запечатлелся з/к, в котором можно было угадать интеллигента.

Поручив секретарю выяснить фамилию этого з/к — запущенного и оборванного человека, я вскоре забыл за массой дел. Затем все же вызвал его для разговора. Он был очень напуган, но я его успокоил и мы свободно разговорились. *Он сказал, что по специальности он садовник.* Такой человек был нам очень нужен.

Затем через цензуру я установил, что ему посылают письма крупные ученые-физики...

Оказалось, что это не садовник, а видный ученый физик, чл.-корр. АН и т.д.

Побывав на подразделении, я еще раз увидел Обреимова, когда он производил уборку барака.

Вообще его, как нежелательный элемент, должны были отправить этапом на Север.

Просмотрев списки, я приказал Обреимова вычеркнуть, а начальника подразделения за обман снял.

В то же время я послал шифр Берия, в котором сообщал, что мы имеем дело с крупнейшим ученым и просил указания о порядке дальнейшего содержания его в лагере. Впредь до получения указания я предложил Обреимову продолжать заниматься наукой. От т.н. «общих» работ освободили. Вскоре получили распоряжение отправить спецконвоем в Москву в распоряжение МВД СССР.

В Москве во внутренней тюрьме на Лубянке Обреимову дали возможность закончить труд, за который ему присвоили звание лауреата и премию в 200 т. р., а затем освободили.

Затем я потерял его из виду. Не он один на моем пути.

Впоследствии я был зам. н-ка главка в другом министерстве.

Обреимов после освобождения уже жил в Москве с семьей и разыскал меня по телефону. Я был очень рад за него. Встреча состоялась в гостинице «Москва» в кругу его семьи...». (Это письмо Иван Васильевич хранил до самой смерти в своём сейфе.)

Далее судьбу первого директора УФТИ можно проследить по краткой автобиографии, составленной им 24 июля 1943 года для канцелярии Академии наук СССР: «По освобождении, в сентябре 1941 г., эвакуировался из Харькова в г. Уфу, где работал до ноября 1942 г. в Институте физической химии АН УССР

им. Л. В. Писаржевского (руководимом академиком А.И. Бродским). В ноябре 1942 г. перешел на работу в г. Йошкар-Ола, в Государственный оптический институт... В 1933 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР».

Позиция

Своеобразие мышления проявляется также и в жизненных отношениях И. В. Обреимова.
П. Л. Капица

По окончании войны судьба предоставила первому директору УФТИ уникальный шанс – во второй раз стать во главе УФТИ. Некоторые подробности этого предложения представляется возможным восстановить по конфиденциальному письму Кирилла Дмитриевича Синельникова*, директора послевоенного УФТИ. Данное письмо стоит процитировать более подробно, так как не случайно оно сохранилось более полувека в семейном архиве академика Бориса Георгиевича Лазарева**.

9 февраля 1944 г.

Дорогой Борис Георгиевич!

Произошли большие и мало приятные для меня изменения. Так как я хотел бы, чтобы между Вами и мной с самого начала не было политики «тайн Мадридского двора», то я пишу Вам совершенно откровенное, но конфиденциальное письмо...

Я считал, что наилучший выход – это поддержать идею о назначении Обреимова Директором, идею, о которой говорили мне еще в сентябре Богомолец*** и Палладин****. Мне казалось, что Иван Васильевич сможет сколотить дружный и сильный коллектив; его научный авторитет и то, что в конце концов, он был создателем УФТИ...

Я форсировал встречу Обреимова с Богомольцем, но результат получился неожиданный – оба остались недовольны друг другом. Единственно, что удалось Богомольцу добиться от него, что он соглашается работать в УФТИ при выполнении некоторых условий. Каковы эти условия – ниже.

Богомолец затем собрал нас (Лейпунский, Вальтер, Курдюмов, Слуцкий, Палладин, Чернышев), сообщил об отказе Обреимова и сказал, что он считает, что директором надо назначать меня... (т.к. Лейпунский зафрахтован Киевом, а Курдюмов Москвой. В общем, я был поставлен пред дилеммой – или соглашаться или «наплевать» на УФТИ и ориентироваться на наш институт №160 в Москве. Я выбрал первое, так как был и остался патриотом УФТИ...

Теперь несколько слов (совершенно конфиденциально) о требованиях Обреимова. В институте будет 4 отдела: а) ядро и электроника; б) электромагнитные колебания; в) твердое тело и криогенная лаборатория; г) теоретический отдел; т.е. говоря прямо – криогенная лаборатория при Вашем руководстве (здесь и далее подчеркнуто К.Д. Синельниковым – прим. А. Т.) включается в большой отдел твердого тела, куда входят: оптические свойства, механические свойства (Гарбер), низкие температуры (Вы) и рентгеновская лаборатория (?). Условие вызывает опасения, – согласитесь ли Вы работать научным руководителем криогенной лаборатории при наличии Верховного командования Обреимова? Я совершенно не знаю, каковы Ваши взаимоотношения с ним. Если они дружеские, то это не опасно, если нет, то соглашаться с этим планом нельзя.

Я не могу допустить, чтобы с самого начала работы по восстановлению были бы недовольство и неясности наших основных работников. Поэтому, обдумав ситуацию, немедленно телеграфируйте (Москва, Можайское шоссе 11/3, кв.200, мне) или «согласен слиянием», или «категорически возражаю». Откровенно говоря, наличие 4-х отделов с отдельными лабораториями (у меня лаборатория технической электроники, у Слуцкого – возможна отдельная лаборатория Брауде) очень упрощает структуру, делает институт более целеустремленным, но эта реорганизация, как я говорил, может быть полезна только при наличии хороших взаимоотношений...

Судя по всему не импонировало Ивану Васильевичу Обреимову и предложение Абрама Федоровича Иоффе: «После войны А.Ф. Иоффе пригласил меня перейти работать в его институт, но я уже дал согласие

* Синельников Кирилл Дмитриевич (1901-1966) – физик-экспериментатор, академик АН УССР (1948). В 1924-1930 гг. работал в Ленинградском физико-техническом институте, с 1930 г. – в Украинском (Харьковском) физико-техническом институте (с 1944 по 1965 г. – директор). Академик Игорь Васильевич Курчатов – сокурсник К.Д. Синельникова по Таврическому университету, соратник по Ленинградскому физико-техническому институту, в 1926 г. женился на его сестре. Из автобиографии И.В. Курчатова: «В состав моей семьи входит жена, Марина Дмитриевна Синельникова, дочь земского врача, которая занимается домашним хозяйством и общественной деятельностью в Ленинградском физико-техническом институте».

** Лазарев Борис Георгиевич (1906-2001) – физик-экспериментатор, академик АН УССР (1951). С 1930 по 1932 г. работал в Ленинградском физико-техническом институте, в 1932-1937 гг. – в Уральском физико-техническом институте, с 1937 г. – в Украинском (Харьковском) физико-техническом институте.

*** Богомолец Александр Александрович (1881-1946) – патолофизиолог, академик АН УССР (1929), академик АН СССР (1932), академик АН БССР (1939), академик АМН (1944), президент АН УССР (1930-1946).

**** Палладин Александр Владимирович (1885-1972) – биохимик, академик АН УССР (1929), академик АН СССР (1942), академик АМН (1944), президент АН УССР (1946-1962). Организатор и директор (с 1925) Украинского биохимического института (с 1931 Институт биохимии АН УССР).

А.Н. Несмеянову* перейти к нему, так как, по моему мнению, мое место было среди химиков... Моим решением Абрам Федорович был недоволен».

В 1944-1954 гг. И.В. Обреимов работает в Институте органической химии АН СССР, в 1954-1965 гг. – в Институте элементоорганических соединений АН СССР, а с 1965 г. – в Институте общей и неорганической химии АН СССР.

Действительным членом Академии наук СССР И.В. Обреимов был избран в 1958 году**.

Первому директору УФТИ и ничто человеческое не было чуждо. «Женат два раза: первый – на Екатерине Александровне Пузино, в 1919 г., от которой имею дочь Лию; второй – на Александре Ивановне Прейсфрейнд, от которой имею дочь Наташу и сына Васю, и кроме того, приемную дочь Женю».

А в часы досуга его душа лежала к любимым цветам. Рассказывают, что именно благодаря хлопотам Ивана Васильевича Обреимова на территории УФТИ был заложен уникальный сад-парк. Помогал в озеленении института также и Петр Леонидович Капица, присылая из далекой Англии семена дикорастущих растений.

На склоне лет Иван Васильевич подготовил к печати, но не успел, к сожалению, опубликовать рукопись книги «Растения с красивыми и интересными плодами», которая состояла из 124 машинописных страниц и 8 акварельных рисунков, выполненных им лично.

Кроме того, как отмечают его современники, Иван Васильевич Обреимов был исключительно отзывчивым и доступным человеком.

И вот лишь один пример его поддержки: «После войны Обреимов стал создавать у себя в лаборатории группу радиоспектроскопии. Он взял в нее несколько молодых людей, только что окончивших радиотехнический институт, в том числе и моего собеседника.

Вскоре... выяснилось, что по небрежности отдела кадров на него не подали вовремя заявку на бронь и он попал под призыв. Пытаясь сохранить своего сотрудника, Иван Васильевич в конце концов дошел до президента академии А.Н. Несмеянова.

И тут выяснилось, что решить судьбу молодого ученого может только министр обороны Н.А. Булганин. Иван Васильевич попросив у Несмеянова разрешения воспользоваться его «вертушкой», примерно в восемь часов вечера засел за телефон и к полуночи дозвонился до А.Н. Несмеянова. Объяснив ему ситуацию, Иван Васильевич получил заверение, что сотрудник от призыва будет освобожден, что в дальнейшем и произошло. Выручая людей, Обреимов не стеснялся добираться до самых верхов...

Выброшенного из той или иной системы человека (вспомним хотя бы историю с Ландау) он помещал в доброжелательные условия, и человек приходил в себя, расправлял крылья».

К тому же Ивана Васильевича Обреимова отличала гуманность и удивительная скромность к своим заслугам. В нем не было и тени высокомерия. Особенно наглядно эта черта проявлялась в отношении к научным результатам своих учеников и коллег. Он никогда не соглашался на соавторство, если не был непосредственным участником данного исследования. Принимал лишь выражение признательности в конце научной статьи «за руководство» или «за ценные советы». «Рассказывают, что когда к семидесятилетнему юбилею планировалось его награждение орденом Ленина, то документы попали к инструктору райкома партии, сравнительно молодому человеку, по специальности химику. Тот просмотрел их и удивительно воскликнул: «Пятьдесят публикаций и орден Ленина? Да у меня триста работ!».

В 1974 году исполнилось 80 лет со дня рождения Ивана Васильевича Обреимова. К юбилею директора-организатора УФТИ харьковчане приурочили торжественное заседание объединенного ученого совета тех украинских институтов, у истоков которых стоял УФТИ, и праздничный концерт в Доме ученых, где в честь юбиляра звучали его любимые классические произведения.

Иван Васильевич был настолько растроган радостью харьковчан, что вернувшись в Москву незамедлительно написал Б.Г. Лазареву: «Это было чудесно, не припомню, чтобы у кого-либо из академиков юбилей был таким замечательным праздником». И к тому же не без гордости заметил: «Дорогой Борис Георгиевич, посылаю вам копию адреса, который я получил от Президиума АН СССР. Как видите, в нем написано, что из Харькова кое-что вышло. Посылаю Вам, так как это документ...».

В канун 90-летия УФТИ стоит процитировать текст вышеупомянутого адреса, за подписью тогдашнего президента АН СССР академика М.В. Келдыша и вице-президента АН СССР академика Ю.А. Овчинникова:

Глубокоуважаемый Иван Васильевич!

Президиум Академии наук СССР сердечно поздравляет Вас с восьмидесятилетием со дня рождения.

Шестьдесят лет своей жизни Вы посвятили науке, которой отдаете всю свою энергию, знания, ум и сердце.

Ваш личный жизненный путь тесно связан со становлением физики в нашей стране. Ученик Д.С. Рождественского, один из первых сотрудников Государственного оптического института, Вы очень много сделали для развития отечественной оптоэлектроники. Соратник А.Ф. Иоффе, Вы положили начало изучению электронных состояний в

* Несмеянов Александр Николаевич (1899-1980) – химик-органик, академик (1943), президент АН СССР (1951-1961), директор Института элементоорганических соединений АН СССР (с 1954)

** Н.В. «Я потому стал академиком, что никогда не боялся показаться дураком» /И. В. Обреимов/.

молекулярных кристаллах.

Вы являетесь основателем и первым руководителем Харьковского физико-технического института, ставшего одним из международных центров физических исследований...»

Прошли годы...

И ныне Национальный научный центр «Харьковский физико-технический институт» НАН Украины также достойно отмечает свой 90-летний юбилей.

Так что из УФТИ,
следуя словам Ивана Васильевича Обреимова,
кое-что вышло (sic!).